

Сергей Михайлович Соловьёв

**История России с
древнейших времен (Том 6)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С32

С32 **Сергей Михайлович Соловьёв**
История России с древнейших времен (Том 6)/Сергей Михайлович Соловьёв –
М.: Книга по Требованию, 2012. – 260 с.

ISBN 978-5-4241-1817-3

Знаменитый труд великого русского историка Сергея Михайловича Соловьева является крупнейшим достижением русской исторической науки 19 века. Соловьёв - "первый среди равных" в плеяде блестящих русских историков, в которую входят Н.Карамзин, В.Ключевский, Н.Костомаров, А.Пресняков, Т.Грановский, С.Платонов и многие другие.

ISBN 978-5-4241-1817-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Соловьев Сергей Михайлович
История России с древнейших
времен (Том 6)

Сергей Михайлович СОЛОВЬЕВ
ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ТОМ 6

Глава 1

ПРАВЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ

Право Елены на правление. - Смуты. - Заключение удельного князя Юрия. Торжество Телепнева-Оболенского и заключение Глинского. - Бегство вельмож в Литву. - Бегство удельного князя Андрея из Старицы, приезд его в Москву и заключение. - Война литовская, переговоры и перемирие. - Дела крымские. Происки Бельского в Константинополе. - Вмешательство Гиреев в дела казанские. - Мирный договор с Швецией и сношения с другими государствами. - Построение городов; вызов поселенцев из-за границы. - Меры против поддельных и резаных денег. - Дети боярские, живущие в Думе. - Онежская уставная грамота; грамота владимирским бобровникам. - Могушество Телепнева-Оболенского. - Смерть Елены.

Уже в Русской Правде находим, что по смерти отца опека над малолетними детьми, распоряжение имуществом их принадлежат матери; не говоря о древней Ольге, в позднейшее время мы видели важное значение матери семейства княжеского, ее влияние на дела не только при малолетних, но даже и при возрастных сыновьях; следовательно, по смерти Василия опека над малолетним Иоанном и управление великим княжеством, естественно, принадлежали великой княгине - вдове Елене. Это делалось по обычаю, всеми признанному, подразумевавшемуся, и потому в подробном описании кончины Василия среди подробных известий о последних словах его и распоряжениях не говорится прямо о том, чтоб великий князь назначил жену свою правительницею; говорится только, что трем приближенным лицам - Михаилу Юрьеву, князю Михаилу Глинскому и Шигоне - Василий приказал о великой княгине Елене, как ей без него быть, как к ней боярам ходить. Последние слова о боярском хождении мы должны принимать как прямо относящиеся к правительственному значению Елены, должны видеть здесь хождение с докладами. В одной летописи говорится о возведении малолетнего Иоанна на престол таким образом: начали государя ставить на великое княжение в соборной церкви Пречистыя богородицы митрополит Даниил и весь причет церковный, князья, бояре и все православное христианство; благословил его митрополит крестом и сказал громким голосом: "Бог благословляет тебя, государь, князь великий Иван Васильевич, владимирский, московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский, смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси! Добр здоров будь на великом княжении, на столе отца своего". Новому государю пропели многолетие, и пошли к нему князья и бояре, понесли дары многие; после этого отправили по всем городам детей боярских приводить к присяге жителей городских и сельских.

Умиравший Василий имел много причин беспокоиться о судьбе малолетнего сына: при малютке осталось двое дядей, которые хотя отказались от прав своих на старшинство, однако могли при первом удобном случае, отговорясь невольною присягою, возобновить старые притязания; эти притязания тем более были опасны, что вельможи, потомки князей, также толковали о старых правах своих и тяготились новым порядком вещей, введенным при Василии и отце его. "Вы бы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем мы крест целовали", - говорил умирающий братьям; боярам он счел нужным напомнить о происхождении своем от Владимира киевского, напомнить, что он

и сын его прирожденные государи; Василий знал, что в случае усобицы и торжества братьев должны повториться те же явления, какие происходили при деде его, Василии Темном, что тогда малюткам - детям его нельзя ждать пощады от победителя; и вот он обращается к человеку, по близкому родству обязанному и по способностям могущему блюсти за сохранением семьи великокняжеской: "А ты бы, князь Михайло Глинский, за моего сына, великого князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына, князя Юрья, кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал".

Опасения умирающего сбылись: тотчас после похорон Василия вдове его донесли уже о крамоле. Летописцы оставили нам об этом деле разные свидетельства: по одним, двое князей Шуйских, Иван и Андрей Михайловичи, еще при великом князе Василии отъезжали к удельному князю Юрию; Василий отправил к брату с требованием их выдачи, и тот беспрекословно исполнил это требование; Василий велел оковать отъезжиков и разослать их по разным городам; но великая княгиня Елена, ставши правительницею, приказала освободить их по ходатайству митрополита и бояр. Первым делом Андрея Шуйского по возвращении в Москву была новая крамола: он начал подговаривать князя Бориса Горбатого к отъезду, объявил, что князь Юрий зовет его, Андрея, к себе и он хочет к нему ехать. "Поедем со мною вместе, - говорил он Горбатою, - а здесь служить - ничего не выслужишь: князь великий еще молод, и слухи носятся о князе Юрии; если князь Юрий сядет на государстве, а мы к нему раньше других отъедем, то мы у него этим выслужимся". Горбатый не только сам не согласился отъехать, но и Шуйскому отсоветовал; тогда последний, видя неудачу и опасаясь последствий своей откровенности с Горбатым, решился предупредить его: явился к великой княгине и объявил, что князь Борис зовет его отъехать к князю Юрию, который также присылал и к нему с приглашением; но правда открылась, и князя Шуйского посадили опять под стражу. При этом бояре сказали правительнице, что надобно схватить и князя Юрия; Елена отвечала им: "Как будет лучше, так и делайте". Бояре сочли за лучшее отделаться заблаговременно от удельного князя, и Юрий вместе с своими боярами посажен был под стражу в той самой палате, где прежде сидел племянник его, несчастный Димитрий, внук Иоанна III.

По второму известию, князь Юрий прислал дьяка своего, Третьяка Тишкова, к князю Андрею Шуйскому звать его к себе на службу. Шуйский сказал дьяку: "Князь ваш вчера крест целовал великому князю, клялся добра ему хотеть, а теперь от него людей зовет!" Третьяк отвечал на это: "Князя Юрия бояре приво-дили заперши к целованию, а сами ему за великого князя присяги не дали: так что это за целование? Это невольное целование!" Андрей Шуйский сказал об этом князю Горбатою, последний сказал боярам, а бояре - великой княгине. Елена отвечала им: "Вчера вы крест целовали сыну моему на том, что будете ему служить и во всем добра хотеть; так вы по тому и делайте: если является зло, то не давайте ему усилиться". И по приказанию великой княгини Юрий был захвачен.

Какое же из этих двух известий мы должны предпочесть? Автор первого старается оправдать князя Юрия и обвинить во всем бояр и князя Андрея Шуйского; по его словам, "дьявол вложил мысль недобрую: только не схватить князя Юрия Ивановича, то великого князю государству крепку быть нельзя, потому что государь молод, а Юрий совершенный человек и людей приучить

умеет; как люди к нему пойдут, то он станет под великим князем подыскивать государства. Дьявол вложил эту мысль, зная, что если князь Юрий не будет схвачен, то не так совершится воля его (дьявола) в граблении, продажах, убийствах". Последние слова показывают нам, что известие составлено в то время, когда уже бояре возбудили против себя всеобщее негодование граблениями, продажами и убийствами. Когда бояре, по словам того же известия, еще только думали, как сказать великой княгине о необходимости схватить Юрия, дьявол, видя, что мысль его хочет сбыться, вошел в князя Шуйского и побудил его, злодея, замыслить отъезд; у князя Юрия и на мысли этого не было, потому что он крест целовал великому князю: как было ему изменить? Князь Андрей Шуйский одинпомышлял зло. Многие рассказывали, что дети боярские и даже бояре говорили князю Юрию, чтоб ехал поскорей в Дмитров: "Поедешь в Дмитров, то на тебя никто и посмотреть не посмеет; а будешь здесь жить, то уже ходят слухи, что тебя непременно схватят". Юрий отвечал им: "Приехал я к государю, великому князю Василию, а государь, по грехам, болен; я ему целовал крест, да и сыну его, великому князю Ивану: так как же мне крестное целование преступить? Я готов на своей правде и умереть!" Автор известия мог быть убежден в невинности князя Юрия, но, к сожалению, он не приводит ясных доказательств этой невинности; что князь Юрий крест целовал - это еще не доказательство, ибо и Андрей Шуйский также крест целовал; рассказы многих об ответе Юрия своим боярам и детям боярским также не имеют сильной убедительности. Второе известие имеет за себя обстоятельность рассказа: автор его знает, кого именно князь Юрий присылал к Андрею Шуйскому дьяка Третьяка Тишкова; знает, чем дьяк оправдывал своего князя в нарушении присяги. Против этого известия приводят то обстоятельство, что Андрей Шуйский действительно был признан виновным и содержался под стражею до самой смерти Елены; но из второго известия нельзя нисколько заключать о невинности Шуйского; первое его возражение насчет недавней присяги Юрия нисколько еще не ведет к заключению, что он после не мог согласиться с доводом Тишкова, не убедился в выгоде отъехать к князю Юрию и не обратился с тем же предложением к Горбатову; в этом отношении второе известие нисколько не противоречит первому: имея в виду только рассказать причину заключения князя Юрия, оно опускает подробности, относящиеся к другому лицу. Но в приведенных известиях есть еще одно обстоятельство: оба полагают взятие Юрия под стражу 11 декабря; но во втором известии Андрей Шуйский возражает дьяку Тишкову: "Ваш князь вчера крест целовал"; Елена говорит боярам: "Вчера вы крест целовали сыну моему"; но мы знаем, что это крестоцелование происходило немедленно по смерти Василия, т. е. не позднее утра 4 числа (Василий умер вечером с 3 на 4 число), и, следовательно, Юрий присылал к Шуйскому или Шуйский стал подговаривать Горбатового, и дело дошло до Елены 5 числа; как же в такое короткое время Елена успела отдать приказ освободить князей Шуйских, содержавшихся по разным городам, и они успели приехать в Москву, где, побыв мало, как говорит первое известие, Андрей затеял новый отъезд? Если мы даже предположим неверность второго известия относительно 5 числа, то и тут останется сомнительным рассказ первого известия, что Андрей Шуйский находился с братом в заточении и только по смерти Василия получил свободу: в такое короткое время, от 4 числа до 11, Елена успела простить Шуйских, гонец с известием об этом прощении успел съездить

в тот город, где был заточен князь Андрей, тогда как мы не имеем никакого права полагать, что он был заточен в ближний от Москвы город, Андрей успел собраться и возвратиться в Москву, где, побыв мало, успел завести крамолу!

По той же самой причине, т. е. по краткости времени, протекшего от смерти Василия до заключения Юрия, нельзя думать, чтоб донос известного нам Яганова относился к замыслам князя Юрия в то время, когда еще последний был на свободе; гораздо вероятнее, что Яганов донес на дмитровских детей боярских князя Юрия, объявил, что они жалеют о своем князе, порицают московское правительство и т. п.; вот как он рассказывает о своем деле в челобитной: "Приказал ко мне князя Юрия Ивановича сын боярский Яков Мещеринов, который прежде некоторыми делами отцу твоему, государь, служил, чтоб я ехал к нему в деревню для некоторого твоего государева дела; я сказал об этом Ивану Юрьевичу Шигоне, и Шигона мне отвечал: ступай к Якову, и если у него какое-нибудь дело государево поновилось, то ты вместе с Яковым пораньше приезжай в Москву: я об нем и об его службе представлю государю. Я приехал к Якову, и, что он мне сказал, я тотчас послал об этом грамоту с моим человеком к князю Михаилу (Глинскому) и к Шигоне, а сам остался у Якова, чтоб доведаться полных вестей о деле. Иван Шигона моего человека к нам отпустил с приказом ехать нам в Москву, а ты, государь, прислал за нами своих детей боярских и велел нас к Москве взять. Здесь, перед твоими боярами, Яков то дело с меня снял, что он мне сказывал, а слышал, говорит, у княж Юрьевых детей боярских; а которые речи Яков мне сказывал о дмитровских делах, тех речей список я подал твоим боярам; Яков и те речи с меня снял. А что я слышал у тех же детей боярских на попойке жестокую речь с Яковым вместе и мы ту речь сказали твоим боярам, того я не знаю, спяна ли они говорили или вздурясь: мне в ту пору уши свои не смолою было забить". Донос оказался ложным, и Яганова заключили в оковы; это наказание за ложный донос показывает нам, что правительство не было расположено верить всякому слуху относительно удельных князей и что если оно решилось заключить Юрия, то имело на то основания.

Из челобитной Яганова видно, кто были самые доверенные, самые влиятельные люди при дворе в первое время по смерти Василия; то были князь Михаил Глинский и Шигона Поджогин: к ним двоим обращался Яганов с известиями о государевых делах. Таким образом, Глинский и в Москве достиг почти такого же положения, какое имел в Литве при Александре; но скоро явился ему опасный соперник - то был князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, умевший приобрести особенное расположение великой княгини, сблизившейся с ним, вероятно, посредством сестры его Аграфены Челядниной, мамки великого князя. Оболенскому и Глинскому стало тесно друг с другом, и Елена должна была выбирать между ними; она выбрала Оболенского. Глинский был обвинен в том, что захотел держать государство вместе с единомышленником своим, Михаилом Семеновичем Воронцовым; это обвинение понятно для нас, ибо прежняя деятельность Глинского обличала в нем человека, не умевшего умерять свое честолюбие и выбирать средства для достижения своих целей; мы имеем право смотреть на борьбу его с Оболенским как на следствие честолюбивых стремлений, а не нравственных побуждений только, но для современников нужно было еще другое обвинение: и Глинского в Москве обвиняли в том, что он отравил великого князя Василия, точно так как в Литве обвиняли его в отравлении великого князя

Александра; оба обвинения явно несправедливы; но мог ли жаловаться на них Глинский, мог ли оправдываться в них убийца пана Заберезинского? Что же касается до соумышленника Глинского, Воронцова, то это тот самый вельможа, с которым великий князь Василий помирился перед смертью.

В августе 1534 года был схвачен Глинский и посажен в той самой палате, где прежде сидел при Василии; он скоро умер. В том же августе, но еще прежде, двое людей из самых знатных родов: князь Семен Бельский и Иван Ляцкий - последний из рода Кошкиных - убежали в Литву; за соумышленничество с ними правительница велела схватить брата Семенова, князя Ивана Федоровича Бельского, и князя Ивана Михайловича Воротынского с детьми, князя Дмитрия Бельского не тронули, и это обстоятельство отнимает у нас право предполагать, что Иван Бельский и Воротынский были схвачены без основания. Бегство Семена Бельского и Ляцкого, заключение Ивана Бельского, Воротынского, Глинского и Воронцова, случившиеся в одно время, в одном месяце, могут навести на мысль, что все это было следствием общего негодования вельмож на Елену и ее любимца Оболенского, негодования, которого мы увидим сильные следы. В первые минуты по смерти Василия, когда правление твердого государя сменилось правлением слабой женщины, каждый при этой смене видел возможность для осуществления своих честолюбивых замыслов, и потому все охотно согласилось на скорые и решительные меры против замыслов удельного князя Юрия; но когда по прошествии некоторого времени отношения определились, когда увидали Телпнева-Оболенского облеченным полною доверенностью правительницы, занимающим первое место в управлении, когда, следовательно, многие обманулись в своих честолюбивых надеждах, то негодование и обнаружилось.

При заключении князя Юрия источники выставляют на первый план бояр, на решение которых Елена отдала это дело; при заключении второго дяди Иоаннова, князя Андрея Ивановича, мы видим действующими саму Елену и князя Телпнева-Оболенского. Князь Андрей не был нисколько заподозрен в соумышленничестве с братом своим Юрием и спокойно жил в Москве до сорочин по великому князе Василии; но, собравшись после этого ехать в удел, стал припрашивать у Елены городов к своей отчине; в городах ему отказали, а дали по обыкновению на память о покойном шубы, кубки, копей, иноходцев в седлах. Андрей уехал с неудовольствием в Старицу; нашлись люди, которые передали об этом неудовольствии в Москву; нашлись также люди, которые сказали Андрею, что в Москве хотят его схватить. Елена отправила в Старицу князя Ивана Васильевича Шуйского и дьяка Меньшого Пуятина внушить Андрею, что это слух ложный. Андрей не удовольствовался этим, но требовал от Елены письменного удостоверения и, получив его, приехал в Москву для личных объяснений с правительницею, причем митрополит Даниил был посредником; Андрей начал с того, что до него дошел слух, будто великий князь и она, Елена, хотят положить на него опалу; Елена отвечала: "Нам про тебя также слух доходит, что ты на нас сердисься; и ты б в своей правде стоял крепко, а лихих людей не слушал, да объявил бы нам, что это за люди, чтоб вперед между нами ничего дурного не было". Князь Андрей не назвал никого, сказал, что ему так самому показалось. Елена повторила ему, что она ничего против него не имеет. Как видно, в это время взята была с Андрея запись, в которой он клялся исполнить договор, заключенный им прежде с племянником, обязался не утаивать ничего, что ни услышит о великом князе и его

матери от брата своего, от князей, бояр, дьяков великокняжеских или от своих бояр и дьяков, ссорщиков не слушать и объявлять о их речах великому князю и его матери. Эта запись особенно замечательна тем, что в ней впервые встречаем ограничение или, лучше сказать, уничтожение права удельных князей принимать к себе служивых князей, бояр и слуг вольных, права, как мы видели, нарушавшегося при отце и деде Иоанна, но не перестававшего вноситься в договоры великих князей с удельными; Андрей обязался не принимать князей, бояр, дьяков, детей боярских и никого другого, если они отъедут от великого князя на его лихо. Но при всяком почти отъезде предполагалось неудовольствие отъехавшего, ибо какие выгоды могли заставить отъехать от великого князя к удельному? Почему великий князь мог знать, что боярин отъехал к дяде на его лихо или нет? При всяком отъезде он мог подозревать, что на лихо, и требовать выдачи отъехавшего.

По возвращении из Москвы в Старицу Андрей подозрения и страха не отложил и продолжал сердиться на Елену, зачем не прибавила городов к его уделу. В Москву опять начали доносить, что Андрей собирается бежать. Елена, по свидетельству летописи, не поверила этим доносам и послала звать Андрея на совет по случаю войны казанской; Андрей отвечал, что не может приехать по причине болезни, и просил прислать лекаря. Правительница послала к нему известного нам Феофила, который, возвратившись, донес ей, что у Андрея болезнь легкая, говорит, что на стегне болячка, а лежит на постели. Тогда Еленой овладело подозрение: почему Андрей не приехал на совет о важном деле казанском? Она послала опять к Андрею осведомиться о его здоровье, а между тем велела тайно разузнать, нет ли какого о нем слуха и почему он в Москву не поехал. Посланные донесли, что у старицкого князя есть лишние люди, которых обыкновенно у него не бывает, и эти люди говорить ничего не смеют; но по словам других людей, Андрей затем притворился больным, что не смеет ехать в Москву, Елена послала вторично звать его в Москву, и вторично та же отговорка болезнью; послали в третий раз с требованием непременно приехать в каком бы ни было положении. С ответом Андрей отправил в Москву князя Федора Пронского, и этот ответ дошел до нас; здесь дядя государев, удельный князь, называет себя холопом великого князя; несмотря, однако, на такой униженный тон, удельный князь не может удержаться, чтоб не напомнить племяннику старины, он велит сказать ему: "Ты, государь, приказал к нам с великим запрещением, чтоб нам непременно у тебя быть, как ны есть; нам, государь, скорбь и кручина большая, что ты не веришь нашей болезни и за нами посылаешь неотложно; а прежде, государь, того не бывало, чтоб нас к вам, государям, на носилках волочили. И я от болезни и от беды, с кручины отбыл ума и мысли. Так ты бы, государь, пожаловал, показал милость, согрел сердце и живот холопу своему своим жалованьем, чтобы холопу твоему вперед было можно и надежно твоим жалованьем быть бескорбно и без кручины, как тебе бог положит на сердце".

Но не успел еще Пронский доехать до Москвы, как один из детей боярских Андреевых, князь Голубой-Ростовский, тайно ночью прислал к князю Телепневу-Оболенскому с вестием, что князь Андрей непременно побежит из своего удела на другой день. Тогда Елена отправила к Андрею трех духовных особ: крутицкого владыку, симоновского архимандрита и спасского протопопа, которые должны были сказать удельному князю от имени митрополита: "Слух до нас

дошел, что ты хочешь оставить благословение отца своего, гробы родительские, святое отечество, жалованье и бережение государя своего, великого князя Василия и сына его; я благословляю тебя и молю жить вместе с государем своим и соблюдать присягу без всякой хитрости; да ехал бы ты к государю и к государыне без всякого сомнения, и мы тебя благословляем и берем на свои руки". В случае если Андрей не послушает митрополичьих увещаний, посланные должны были наложить на него проклятие. Не полагаясь, однако, на действительность церковных увещаний и угроз, московское правительство выслало к Волоку сильные полки под начальством двоих князей Оболенских - князя Никиты Хромого и князя Ивана Овчины-Телепнева. Посланника Андреева, князя Пронского, перехватили на дороге; но в то время как брали Пронского, одному из его провожатых, сыну боярскому Сатину, удалось убежать; он прискакал в Старицу и объявил своему князю, что Пронский схвачен и великокняжеские войска идут схватить самого его, Андрея; с Волока пришли вести, что московские полки уже тут. Тогда Андрей не стал более медлить и 2 мая 1537 года выехал из Старицы. Неизвестно, имел ли он прежде намерение броситься к Новгороду и поднять здесь недовольных: смотря по характеру всех действий Андрея, должно думать, что это намерение завести непосредственную, открытую борьбу с племянником в самых областях Московского государства было слишком смело для него; по всем вероятностям, единственным средством спасения в крайности представлялось для него бегство в Литву. Но теперь, при известии, что московские полки уже находятся в Волоке с целью отрезать ему дорогу к юго-западу, к литовским границам, Андрею не оставалось ничего более, как двинуться прямо на север, в новгородские области, причем он велел писать грамоты к помещикам, детям боярским и в погосты: "Князь великий молод, держат государство бояре, и вам у кого служить? Я же вас рад жаловать". Многие помещики из погостов действительно приехали к нему служить, но зато в собственных полках Андреевых открылась измена: с третьего стану, на Цне, побежало несколько детей боярских; одного из них успели перехватить и привели к князю, который отдал его под присмотр своему дворянину Каше; Каша велел связать руки и ноги перебежчику, посадить его в озеро в одной сорочке, выставя только голову на берег, чтоб не захлебнулся, и таким образом пытал, кто еще хотел бежать с ним вместе. Перебежчик назвал так много соумышленников, что князь Андрей велел потушить дело, потому что нельзя же было их всех перевешать, как говорит летописец. Зато редкою по тогдашним отношениям верностью отличился воевода Андреев, князь Юрий Оболенский: еще прежде, заподозрив старицкого князя во враждебных замыслах и желая ослабить его, Елена потребовала, чтоб он послал на Коломну воеводу, князя Юрия Оболенского, с большим отрядом детей боярских. Узнавши о бегстве своего князя, Оболенский, по выражению летописца, начал богу молиться и, утаясь от воевод великокняжеских, выехал из Коломны, перевезся через Волгу под Дегулиным, потопил суда, чтоб не достались преследователям, и соединился с Андреем на речке Березне, не доезжая немного Едровского яма. В пяти верстах от Заячьего яма, в Тухоле, настиг Андрея другой Оболенский, князь Иван Овчина-Телепнев, товарищ которого, князь Никита, отправился укреплять Новгород. Здесь известия начинают разногласить, потому что одни летописцы держали сторону московского правительства, другие сторону удельного князя. По московским известиям, когда оба войска выстроились для бою, князь Андрей не